

СТЕФАНИДА КОБРИНСКАЯ

ТИХОЕ ЗЛО

У каждой семьи есть тайна

Стефанида Кобринская

Тихое зло

«1000 бестселлеров»

2025

УДК 82-312.1
ББК 84стд1-444

Кобринская С. Н.

Тихое зло / С. Н. Кобринская — «1000 бестселлеров», 2025

ISBN 978-5-00144-742-9

Что бы вы сделали, узнав о смерти своего бывшего? Когда в элитном подмосковном поселке находят мертвым бизнесмена Максима, все выглядит как самоубийство. Дело быстро закрывают, и большинство предпочитает не задавать лишних вопросов. Но Ева, его бывшая девушка, а ныне гостя в доме вдовы, чувствует: здесь что-то не так. Вместе с капитаном полиции, который тоже не верит в официальную версию, Ева начинает собственное расследование. Она вновь погружается в прошлое человека, которого когда-то любила и ненавидела. Чем больше она узнает, тем яснее понимает: зло редко выглядит так, как мы его себе представляем. Но готова ли Ева узнать правду, если та угрожает не только ее жизни, но и поднимет то, от чего она пыталась убежать в прошлом?

УДК 82-312.1
ББК 84стд1-444

ISBN 978-5-00144-742-9

© Кобринская С. Н., 2025
© 1000 бестселлеров, 2025

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	30
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Стефанида Кобринская

Тихое зло

© Кобринская С., текст, 2025

© ООО «1000 бестселлеров», 2026

© ООО «Книжкин дом», оригинал-макет, 2026

Глава 1

Ева потерла глаза и закрыла книгу – слова давно перестали складываться в предложения и нести какой-то смысл. Она поднялась с пола у дивана, размяла затекшие ноги и, слегка пошатываясь, прошла по комнате.

Потрепанный том «Ребекки» привычно встал в ряд книг, заполнивших полки в гостиной. Ева провела ладонью по корешкам, как будто проверяя, все ли на месте, и вздохнула.

Квартира будто вздохнула вместе с ней. Здесь пахло кофе, старыми страницами и деревом, впитавшим чужие голоса и шаги. Ева жила в этой сталинке на тихой улице с самого рождения: когда-то с родителями, теперь одна. Высокие потолки, паркет, который помнил и маму с папой, и даже бабушку с дедушкой, перекосившийся абажур, мягкий свет настольных ламп, фотографии в рамках. Все это казалось родным и вечным.

Несколько лет назад Ева перешла на удаленку: теперь она работает в кабинете, который устроила в бывшей спальне родителей, переводит только те тексты, что ей по душе, а под боком у нее дремлет теплая кошка Агата. Мягкий свет торшера умиротворяет. Ей ничуть не одиноко – хорошо и спокойно. Но иногда – слишком комфортно. Будто уютный мир превращается в кокон, за стенами которого остается настоящая жизнь – та, в которую уже нет сил выходить.

Она подошла к подоконнику, взяла пустую чашку, зад-винула подальше в угол два горшка с засохшими цветами. С каждым днем они выглядели все хуже, но выбросить не хватало решимости. «А вдруг и я в свои тридцать превращаюсь в такую же мумию?» – мелькнула мысль, и Ева резко тряхнула головой, будто отгоняя видение, и отправилась на прохладную кухню.

Когда-то здесь пекли, жарили и готовили обеды на всю семью – Евина мама была идеальной хозяйкой. Сейчас кухня восстановила девственную чистоту – Ева почти не готовила. Чай, изредка кофе. В духовке вообще уже два года лежали бутылка вина и пачка сигарет «на случай конца света», хотя сама она не курила.

Ева включила чайник – загорелась красная подсветка, зашумела вода. Сполоснув руки, она достала чай и кружку. Движения оживляли пространство, возвращали в него ритм жизни.

Послышался мягкий прыжок – Агата спрыгнула с подоконника и через мгновение появилась в дверях. Ева рассмеялась, нагнулась и насыпала ей сухого корма. Кошка замурлыкала и плавно подкралась к миске.

Ева заварила чай и вернулась в гостиную. Села в кресло, сжимая горячую чашку в ладонях, и посмотрела в окно. За стеклом светились окна соседних домов, проезжали редкие машины. А в ее квартире будто сгущалась тишина, давила. Она не была умиротворяющей, как глубокий сон, – скорее настороженной, как ожидание чего-то неизбежного.

В этот момент на подоконнике завибрировал телефон – долго, упорно. Не мессенджер – звонок. Ева нахмурилась, потянулась за трубкой – незнакомый номер. Секунду поколебалась, но все же нажала «ответить».

– Ева? – раздалось в трубке. И молчание. А потом снова: – Ева? – Конечно, она сразу узнала этот голос – все тот же, только будто запыленный. – Это Мила. Привет.

Мила. Имя было как укол в живот. Два года ни слова. Ни «как ты», ни «прости», ни «объясни». После всего, что они!..

– Привет, – тихо ответила Ева.

– Мне очень неловко, – напряженно сказала Мила. – Мы давно не общались, и, наверное, я не имею права...

Мила замолчала – у нее пересохло в горле, Ева это услышала.

– Максим умер.

Тишина в квартире стала еще плотнее. В ушах, как после взрыва, зазвучал противный писк и заставил Еву присесть. Внутри нее что-то дрогнуло, что-то ожило, голова закружилась.

– Мне правда жаль, что мы так долго не общались. – Теперь в голосе Милы слышались слезы. – Но я не знаю, к кому еще обратиться. Я так хочу, чтобы ты приехала, хоть на пару дней... Никто больше не сможет мне помочь... Побудь со мной, я не справляюсь одна...

Мила говорила и говорила что-то, всхлипывая, задыхаясь от слез. Ева прижала пальцы к виску и прикрыла глаза, пытаясь осознать случившееся. Максим умер... Это не шутка? Как... Это непостижимо...

Когда оправилась от первого шока, в голове зазвучал холодный, мстительный голос: умер, и что? какая еще к черту помощь, а тебе кто-то помог, о тебе кто-то подумал, когда... И Ева подумала – да, она с чистой совестью может сказать, что это не ее дело. Что у нее давно другая жизнь. Что она не собирается возвращаться к болезненным, опустошающим воспоминаниям: итак еле выбралась из той истории и с тех пор потеряла всякий интерес к прошлому.

Вот-вот готова была сорваться фраза: «Извини, но...»

Но эти слова не сложились. Вместо них возник образ мужчины, который когда-то значил для нее слишком много: голос Максима, его неразгаданность, – и она думала, что давно пережила все это. И еще – его запах, запах табака.

В духовке все еще лежала та самая пачка сигарет, его сигарет. Ева так и не решилась выбросить ее, будто оставляла для него место в своей жизни.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Я приеду.

На том конце воцарилось молчание. Потом Мила выдохнула:

– Спасибо... Мне будет с тобой гораздо легче.

– Что... – Ева запнулась, но подумала, что все же имеет право спросить. – Что случилось? Как он умер?

Мила ответила не сразу.

– Полиция считает, что он... сам. Но я не верю. Я не знаю. Просто приезжай. Ты мне нужна. – Она снова тихо всхлипнула.

– Я приеду, – откликнулась Ева. – Завтра, прямо с утра.

Закончив звонок, Ева села в кресло и впервые за долгое время почувствовала: что-то изменилось. Как будто этот вечер был последним в старой тишине. А завтра все будет по-другому.

Глава 2

Дождь шел с самого утра: мелкий, назойливый, будто кто-то брызгал холодной водой прямо в лицо. Сентябрь во всей красе.

Ева достала дорожную сумку, привычную еще со студенческих поездок, и начала складывать вещи: джинсы, свитер, пару футболок, аптечку и разные мелочи. Агата наблюдала за ней с подоконника, шевеля хвостом и будто немного укоряя взглядом. Ева потянулась к телефону и набрала маму.

– Алло.

– Мам, я уеду на несколько дней. У Милы беда... Максим умер.

На том конце воцарилось молчание. Потом мама сказала тихо, сдержанно, почти сухо:

– Вот как... Не ожидала. Ладно. Я покормлю Агату, не волнуйся.

– Спасибо.

Ева отключила телефон, сунула его в карман и еще раз оглядела квартиру, словно проверяя, все ли на месте.

Она села в свою старенькую «мазду», построила маршрут до поселка Павловская Слобода – там теперь жила Мила. Навигатор показал пятьдесят минут. Ну да, без пробок было бы не больше тридцати. Ева ехала медленно. Сначала по знакомым улочкам Хорошёва, где все было до боли привычно: булочная с выцветшей вывеской, аптека с вечно погасшей лампой, подъезды, пахнувшие детством. Потом по Звенигородке, выезд на Рублево-Успенское, и, наконец, – пробка на Новой Риге.

Обычно Ева терпеть не могла все эти заторы на дорогах: движение такое медленное, как будто пытаешься пробраться через густую, приторную патоку. Но сегодня это было даже кстати. Пусть тянется, пусть даст время вспомнить.

Думать о Максиме она не любила. Потому что это как вытащить осколок, который давно прирос к сердцу. Он там как-то зажил, ты привыкла, что просто не надо делать определенные движения и он не будет болеть. Да, ты закрываешь на него глаза, но ведь это как-то работает, позволяет жить дальше, что-то делать. Хорошо бы, конечно, от него избавиться, только ты боишься, что просто не переживешь этого, истечешь кровью, и тогда усилия были напрасными. Это правильно – отпускать прошлое, залечивать раны. Но иногда это настолько тяжело, что можно погибнуть. И стоит ли оно того?

Они знали друг друга со школы, жили в одном доме. Он был тем, на кого смотрели все: лидер в компаниях, любимец учителей, голос в коридоре. Ева тогда старалась держаться в стороне: ей казалось, что тихая, книжная девочка не была бы в его вкусе, тем более он был на четыре года старше, а для школьных лет это существенная разница. Когда ей было тринадцать, она стала невольно все чаще искать его взглядом на переменах, для нее это была первая школьная любовь. Потом Максим из школы выпустился, и их пути разошлись на несколько лет.

Встретились они позже – во дворе, где оба выросли. Его мать жила все там же, и как-то вечером Ева вышла выносить мусор и столкнулась с Максимом на улице. Он приехал помочь матери: высокий, уверенный, но при этом такой же улыбчивый, каким Ева его помнила со школьных лет.

– Ева? – он улыбнулся, будто удивился и обрадовался одновременно.

Она не ждала этой встречи, но разговор завязался легко, и с тех пор они стали общаться, много переписывались. Ева ловила себя на невольной глупой улыбке при взгляде на его сообщения. Внезапно чувства к нему стали захватывающими, трепетными, как будто он – единственный. Постепенно завязались отношения. И Ева в него влюбилась, по уши, по шею, по кости.

Максим был как пламя: рядом с ним можно было согреться и обжечься. Женщины тянулись к нему, и он почти всегда позволял этому случаться. С Евой было чуть иначе: его эти чувства захватили так же сильно и взаимно, что было для него удивительно. Может, это судьба, а может, его еще никто так не любил...

Он впервые попытался быть верным. Но только хватило этой верности почти на несколько месяцев.

Именно это «почти» и мучило его. Он любил Еву, но одновременно старые привычки не отпускали его, а его магнетическое обаяние по-прежнему привлекало женщин. То и дело включалась привычка флиртовать с коллегами, на встречах с друзьями в барах взгляд хищника быстро вычислял заинтересованных в нем женщин, рука тянулась позвать официантку и заказать коктейль какой-нибудь красотке с глубоким декольте. Это все разрывало его изнутри. Иногда он приходил домой раздраженный, чувствуя себя будто в клетке, и срывался:

– Ты понимаешь, из-за тебя я отказался от трех женщин за неделю? А я ведь не привык так. Ты убиваешь во мне зверя. А без него я не я.

А потом, в другие дни, был почти мягким:

– Я не знаю как, придумай. Ты же умная. Ну сделай так, чтобы все было. Чтобы я был с тобой – и не мучился. Чтобы ты спасла меня. Ты же всегда знаешь, что делать...

Он метался, и Ева вместе с ним. Она терпела, отпускала, делала вид, что все нормально, пыталась понять. Но однажды осознала, что не справится. Они расстались почти три года назад: ему было тридцать один, ей двадцать семь. Она не просто ушла, она выжила. Она «убивала в нем зверя». Но он и был зверь.

Когда все закончилось, в ее жизнь вернулась Мила – подруга, почти сестра.

С Милой они познакомились в университете случайно: Ева опоздала на первую лекцию по литературе и, не найдя места, присела рядом с улыбчивой девчонкой в ярком свитере. С того дня они будто нашли друг друга.

Мила была из тех, кто сразу становится таким уютным центром маленького круга: умела слушать и рассмешить, приносила пирожки к парам, знала, где взять конспекты. Ева же чаще молчала, но именно рядом с Милой могла раскрываться. Они вместе писали шпаргалки на ладонях, делились пледами в холодных аудиториях, засиживались в читальных залах до ночи.

Мила всегда была более легкой в принятии решений, более беззаботной, активной. Она могла в полночь предложить: «Пошли на крышу, смотреть звезды», и Ева шла, хотя обычно никогда бы не решилась. Мила смеялась так, что заражала всех вокруг, и умела разговаривать даже с кондукторами в автобусе так, будто знала их много лет.

Их дружба складывалась из мелочей: записки на полях конспектов, совместные поездки в электричке, ночевки на Милиной кухне, где они пили дешевый кофе и обсуждали, «какая жизнь у нас будет потом». У Евы не было другой такой близости – легкой, искренней, будто семейной.

В период ее отношений с Максимом Мила жила за границей. Она еще в университете сдала международные экзамены, участвовала в олимпиадах и получила редкую возможность: обучение по гранту в иностранном вузе. В тот момент это было очень кстати не только потому, что это редкая удача, а еще и потому, что переезд совпал с тяжелым моментом в ее жизни. Мама Милы умерла от рака, тихо, почти незаметно для мира, и Мила вдруг осталась совсем одна: отца она не знала, родственников у нее не было. Грант стал не просто шансом, а спасением. Она уехала как отличница, как способная студентка, которой оплатили обучение, предоставили кампус, а остальное она тянула подработкой: в основном в кафе официанткой. Там же, за границей, она впервые позволила себе жить полной жизнью: учиться, работать, смотреть новые города, когда хватало денег на билет. Не путешествие ради удовольствия, а попытка пережить и не сломаться, хоть немного собрать себя заново.

Максима она тогда видела глазами Евы: по звонкам, голосовым, по редким фото в сети. Вернулась она неожиданно, как будто в неправильное время: в тот самый день, когда Максим пришел забирать вещи из квартиры Евы. На пороге стояла Мила: загорелая, с чемоданом, счастливая, что может обнять подругу. А у шкафа стоял он. Они посмотрели друг на друга – и все.

Мила влюбилась, сразу. Максим не возражал. А почему бы и нет?

Через неделю Мила пришла с заплаканными глазами.

– Прости, я не хотела. Мне так стыдно.

Ева долго молчала. Смотрела в чашку.

А потом сказала:

– Я тебя понимаю. Я не смогу заставить тебя выбирать, Мила. Но я не смогу остаться, сама понимаешь.

Так они и перестали быть близкими: не поссорились, просто расстались.

Максим через полгода женился на Миле.

Ева не удивилась. Это был логичный ход: Мила – мягкая, домашняя, покорная. Такая, с которой удобно ужинать с коллегами, ездить в Европу, ставить фото в рамку на камин. Максим владел собственной компанией, которая занималась разработкой CRM-систем для бизнесов. Его партнеры и клиенты любили «стабильность» – в контрактах, деньгах и в семейном статусе. И он прекрасно это понимал. Для деловых кругов мужчина женатый смотрится лучше, чем одинокий казанова, и Максиму не раз на это намекали.

Приглашения на свадьбу не было.

Навигатор сообщил: «Вы прибыли».

Поселок встретил Еву аккуратностью, которая сначала даже раздражала. Слишком ровные газоны, одинаковые фасады, безупречно чистые улицы. Казалось, будто здесь живут люди, которые никогда не ссорятся и не выносят мусор в домашних халатах. Все выглядело утрированно правильно, стерильно.

По дороге она заметила «Азбуку вкуса», новую кофейню на углу, рекламный щит фитнес-клуба. Такие поселки строят для обеспеченных, но спокойных – тех, кто устал от городского шума и ищет тишину, но не готов отказываться от привычного комфорта.

Ева поймала себя на мысли: «Знала ли я, что он настолько богат? Да, догадывалась. Но представляла его скорее в московской квартире с панорамными окнами, а не в таком семейном гнезде за городом».

На въезде в поселок Ева уже приготовилась объяснить охране, к кому она, но шлагбаум открылся сразу. И тут она вспомнила, что Мила же написала ей вдогонку сообщение с просьбой прислать номер машины: ожидаемо, поселок охраняется.

Нужный дом был двухэтажным, светлым, с большими окнами и коваными воротами. Никакой показной роскоши: широкая дверь из темного дерева, садовые фонари, ровные дорожки. У Евы мелькнула мысль: «Мила, наверное, сама не выбирала этот дом. Это все Максим».

Она остановила машину у кованых ворот и на секунду задержалась. Сердце забилося чаще, внутри шевельнулось прошлое.

Дверь открыла женщина в джинсах и серой водолазке.

– Ева?

– Да.

– Проходите. Мила ждет.

В доме пахло свежей выпечкой и чуть пыльными шторами. Холл был просторный, с высоким зеркалом и парой картин. Тепло и тихо, но пусто.

Из глубины вышла Мила. Лицо заплаканное, глаза – как мутная вода после шторма. Она шагнула навстречу, и все стало просто.

Они обнялись, крепко и молча, как после зимы, как после войны. Ева уткнулась лицом в плечо Милы, вдохнула ее запах, такой родной. В зеркале напротив они выглядели как инь и ян: светловолосая, мягкая Мила и темненькая, колючая Ева.

Глава 3

Домработница Ада любовно накрыла для подруг небольшой стол, заварила чай, принесла изящную хрустальную вазочку с печеньем, вероятнее всего, кокосовым и без сахара – странная деталь: Мила, хоть и всегда была трос-тинкой, раньше не слишком заботилась об идеальном питании, Ева до сих пор помнила ее пирожки времен учебы в университете. Похоже, она стала следить за фигурой и не держала дома вредности. Ева наблюдала за Адой: очень приятная женщина, невысокая, русые волосы, симпатичная родинка на скуле, ямочки на щеках, будто часто улыбается, хотя и выглядит немного настороженной. Кажется, благодаря ей в кухне чувствуется тепло и уют. Вроде она ненамного старше, но с ней чувствуешь себя как в гостях у бабушки: будто тебя окружили заботой, будто за тебя переживают, хлопочут вокруг и следят, чтобы ты не осталась голодной.

Несмотря на трагичность ситуации, Ада держалась, видно было, как она старается поддерживать Милу, обстановку вокруг. И правда было очевидно, что делала это не для себя.

Пока они сидели на кухне, Мила, будто оправдываясь перед самой собой, тихо сказала:

– Когда мама умерла... мне казалось, меня окутала тьма и я в ней тону. Максим тогда был единственным человеком, с кем было не страшно остаться. Каким бы он ни был... он был рядом.

Она не смотрела на Еву, просто гладила ладонью стол, будто вспоминала холод больничных коридоров, пустые вечера, невозможную тишину в квартире.

И Ева впервые отчетливо поняла: Мила держалась за Максима не из-за ослепляющей влюбленности. Он стал ей чем-то вроде семьи – той, что у нее однажды исчезла. Теперь, потеряв его, она снова столкнулась с тем же страхом одиночества, от которого бежала почти всю жизнь.

Чай подруги почти не пили – просто сидели друг напротив друга. В доме было тихо, как бывает только после большой беды: не та уютная тишина, а та, в которой воздух становится ватой. Несмотря на старания Ады, горе над домом нависало как темная туча, густая, скрывающая собой все.

Мила выглядела иначе. Исхудавшая, с темными кругами под глазами. Истерики в ней уже не было, она просто держалась.

– Я до сих пор не верю, – сказала она. – Вот честно. Иногда, знаешь, кажется, что он просто вышел куда-то. Сейчас зайдет, снимет пальто, скажет, что пробки были, пожалуется на горе-сотрудников.

Ева смотрела в окно. Дождь уже почти стих, но на стекло все еще падали редкие капли. Она открыла рот, чтобы спросить, и тут же закрыла: задавать вопросы о смерти Максима было неловко, она не знала, с чего начать. Но Мила неожиданно заговорила:

– В ту ночь мы с Адой были на кухне, пекли печенье. Знаешь, обычное, домашнее, с кокосовой стружкой, как мы с тобой делали, мое любимое... – В этом была вся Мила. Говорит о серьезном, но всегда сосредотачивается на мелочах вроде печенья. Или просто так сложно говорить, что лучше уж про печенье. – Я специально думала оставить ему пару штук на утро – он всегда любил что-то сладкое к кофе перед работой. – Мила вздохнула, губы дрогнули. – А потом этот хлопок наверху. Я замерла, мы с Адой переглянулись и тут же помчались по лестнице в спальню.

Ее пальцы сжались в кулак.

– Когда я открыла дверь спальни... там стоял запах. Такой резкий, горький, как после петарды. И сразу было понятно, что произошло. Я увидела его на кровати, и... кровь... на подушке, и рядом везде, в руке пистолет... – Голос дрогнул. – Я подбежала, схватила его за плечо. Он был еще теплый, но глаза... глаза уже никуда не смотрели.

Я трясла его, кричала: «Макс, Макс, Максим, проснись, ну проснись же, посмотри на меня, я здесь, Макс!» – но взгляд так и остался в никуда, я не могла поверить, я просто отказывалась...

Мила сложила ладони в кулак и заплакала тихо, почти бесшумно: слезы текли ровной струйкой, не срываясь в рыдания, но и не останавливаясь.

– Я все кричала, – сказала она, и в ее словах слышалась вся та ночь. – Кричала как сумасшедшая, била руками в пол, головой об стену, мне было так невыносимо... Ада подбежала, хватала меня за руки, держала, говорила: «Дыши, Мила, дыши». Я не помню, как она звонила в полицию, только помню, как весь дом превратился в шум: шаги, голоса, свет фонариков. Мне казалось, что я застряла в каком-то фильме.

Ада подошла и села рядом с Милой, обняв ее за плечи, стала ее успокаивать, говорила слова поддержки. Ева смотрела на Милу, и ей тоже было так больно: за Милу и ее горе, за Максима, за себя. Мила уткнулась лицом в ладони. Ева встала и подошла ближе, положила ладонь на ее колено. Она не сказала ничего поначалу – для этого момента просто не было слов. Ада продолжала тихо говорить, поглаживая Милу по спине, пытаясь вернуть ее в тело: «Дыши... просто дыши. Мы все уладим».

Мила поднялась, как будто внезапно собрав волю, взяла салфетку со стола и продолжила, чуть тише:

– Приехали люди из полиции, осмотрели все: отпечатки, пороховые частицы, следы, – это те слова, что я слышала от них обрывками. Ходили по дому, задавали вопросы, смотрели на меня так... будто я что-то скрываю. Все решили за пару дней. «Самоубийство». Вот так и сказали. Просто констатация факта, как будто он был вещью. А для меня он был всем. – Мила промокнула глаза салфеткой. – Я помню только один миг: в ту минуту я хотела, чтобы он пришел в себя и просто сказал: «Это ошибка». Но он не сказал. Я все думала о простых вещах: о чашке на тумбочке, о печенье, о том, что он всегда засовывал беруши в уши перед сном.

Она снова прикрыла лицо ладонями, на секунду замолчала, но продолжила сбивчиво, будто боялась замолчать насовсем:

– Понимаешь, самое страшное – это не сам момент. А то, что он весь последний месяц был какой-то... другой, все время усталый. Приходил поздно, садился на диван и смотрел в одну точку. Я говорила: «Ляг пораньше», а он все равно сидел, потом выпивал снотворное и уходил спать. У него руки дрожали. Я заметила. Иногда я спрашивала: «Что с тобой?» А он отвечал: «Работа. Сложный клиент». И все.

Мила сжала салфетку в пальцах так, что та почти порвалась.

– За неделю до... он начал искать рецепты успокоительных, просил меня поискать врача, чтобы тот выписал. Я решила поискать еще и психолога, даже записала номер, собиралась позвонить, но все откладывала. Думала, что это просто стресс, что все наладится. А теперь... – Она сжалась, плечи вздрогнули. – Теперь я думаю только о том, что не успела. Что могла хотя бы попробовать.

Ее голос снова сорвался, но она заставила себя закончить:

– Я не могу выбросить из головы этот хлопок: он у меня все время звучит внутри. И кровь на подушке. И тарелка с печеньем, которую хотела оставить для него.

На несколько секунд повисла тяжелая тишина. Но внезапно Мила бросила: «Я сейчас» – и вышла. Через минуту вернулась с маленькой деревянной коробкой, которую держала так, будто это пушинка, которую боится уронить.

– Я... тут лежат вещи Макса, – неуверенно сказала она и посмотрела на Еву. – Я просто хотела вспомнить, я не могу одна, прости, если тебе тоже будет непросто. Я подумала еще, что, может, ты захочешь что-то взять себе?

Она поставила коробку на стол, ее руки дрожали. Открыв крышку, вынула три вещи и положила их перед Евой: часы с металлическим ремешком, очки в тонкой оправе и прозрачный кейс с берушами.

Ева посмотрела сначала на предметы, потом на Милу. Три вещи – и все было как прежде. Но теперь все лежало иначе: предметы перестали быть частью жизни, а стали доказательствами ухода.

Она взяла часы. Ремешок звякнул в руке. Металл был чуть холодный, но помнил руки, которые совсем недавно к нему прикасались. Ева приложила часы к уху и услышала знакомое тиканье, тихое, но моментально вернувшее ее в тот вечер.

Лампа, теплый свет, терпкий запах чая и табака, низкий голос. Он притянул ее за руку мягко, не торопя. Его ладонь была теплая; ремешок часов холодил по краю и цокал, когда он касался ее шеи. Этот едва слышный звук – металлический удар о кожу – сделал все вокруг более реальным. Он провел пальцами по ее шее, затем по ключице; часы стукнули один раз о кость, и она почувствовала, как внутри что-то сдвинулось. Это был не порыв страсти, а мягкое решение сдаться, просто чувствовать, просто уплывать в этом потоке.

Его правая рука на ее спине держала ее так, будто в том удержании заключалась вся безопасность мира. Он прижался губами к ее лбу, вдохнул запах ее волос, и в тишине они слушали друг друга. Он водил ладонью по ее спине кругами, а часы тихо тикали, подстраивая ритм их дыхания. В его прикосновениях был легкий нажим; и слова, горячо сорвавшиеся с его теплых губ в ее левое ухо, которые уронили ее в эту любовь окончательно: «Ты моя, я с тобой».

Поцелуй был долгим и осторожным, как признание: губы нашли губы, губы привыкают к теплу, потом губы учатся просить. Она ответила не словами, а телом: расслабилась, отпустила оборванные заботы, позволила себе быть неподвижной мишенью для его внимания. Он не рывком, а постепенно поднимал ладонь, касался шеи, потом подбородка; металл часов слегка тер по коже, и это ощущение – холодное, а потом теплое – делало прикосновение острым, властным и подчиняющим.

Она почувствовала, как его рука, в тех же часах, гладит ее бедро, потом осторожно – живот. Рука была теплая, движения – уверенные и аккуратные, как будто он изучал ее, с интересом, с азартом, с погружением. Он был тем, кто знает, как держать, кто умеет делать пространство безопасным.

Когда они слились во что-то большее, это было не столкновение – это был разговор тел, медленный и ясный. В каждом движении он оставлял след: прикосновение металла, мягкость ладони, теплое дыхание около уха. Часы стучали, но ритм перестал быть механическим – он стал их ритмом: шаг, вдох, пауза, долгий выдох. Она закрыла глаза и позволила себе быть ведомой этим ритмом, ее дыхание подстроилось под него, она чувствовала горячие слезы блаженства на своих глазах, слезы от нереальности происходящего, будто весь мир сузился до них двоих. Было ли с ней когда-то подобное? Нет и не могло быть, так могло быть только с ним, до конца.

После, когда все утихло и свет стал матовым, ей оставалось только помнить тепло его руки и тот мягкий, ровный стук часов, который теперь звучал где-то глубже, под кожей. Это навсегда осталось в ней: он был рядом, он касался, и были часы на его руке, которые продолжали отсчитывать их ночь.

Ева не заметила, как маленькая слезинка прокатилась по ее щеке. Мила молчала, она чувствовала, что сейчас ничего нельзя говорить. А Ева, не замечая ничего вокруг, вновь видела свое.

Перед глазами встала картинка – тумбочка с его стороны кровати. Всегда на ней лежали они: часы справа, очки на стопке бумажных журналов, беруши в маленькой плас-тиковой коробочке. Ева видела это так же, как видишь знакомую улицу во сне – четко, как есть. Она вспомнила, как протирала эту тумбочку от пыли. Салфетка скользила по дереву; она аккуратно брала

часы, ставила их в сторону, вытирала круги от чашки, возвращала часы назад ровно на то место, где он привык видеть их. Потом аккуратно приподнимала очки, возвращала на место, беруши рядом, чтобы он мог взять их по инерции. Это была ее забота, которую мозг автоматически выполнял для него.

Потом снова вспышка.

Они лежат в кровати, ее голос тихий, ровный – рассказывала ему о необычном заказе на перевод.

– Там слово двусмысленное. – Она рассказывала быстро, почти между глубоким вдохом и выдохом. – Два варианта перевода, и оба будут верными. Переводчик должен выбрать один, и от выбора зависит все.

Он сидел в очках и листал телефон. Экран бросал блик на лицо. На лице была легкая улыбка. Он любил, когда она горит работой.

Она говорила дальше, то возмущаясь стилем автора, то восторгаясь тем, как можно переиграть его в переводе. Говорила быстро и мягко. Она объясняла смысл, хихикала на конце фразы, а потом задумчиво замолчала.

Он положил телефон на тумбочку, достал беруши из коробочки, вставил правую, потом левую, видимо думая, что Ева уже завершила свой захватывающий монолог. Резинка мягко вошла в ухо.

Но она не замолкла, слово за словом. Она заметила, что он уже не слышит, минуты через две. Остановилась и нахмурилась: было немного обидно, но она не хотела обострять, все же он так много работает, хорошо зарабатывает, а она уже двадцать минут ему про какое-то слово расписывает... «Он устал» – пронеслось в голове, но все же ради шутки схватила подушку, бросила в него – не сильно, по-игривому. Подушка плюхнулась, он дернулся и, не вынимая берушей, прохрипел:

– Ой, террорист.

Он смеялся вполголоса, Ева фыркнула и тут же бросила вторую, целясь на этот раз прямо в голову. Он наконец вытащил одну пробку, поморгал, снял вторую. Взгляд был немного обескураженный, но счастливый.

Его рука нашла ее талию теплой ладонью, он провел пальцами: «Иди-ка сюда, красotka».

Она улыбнулась, и они слились в поцелуй, и в комнате было только дыхание и легкое шуршание покрывала. И где-то в этом – чистая простота: он радовался ее энергии, она радовалась, что он радовался.

Ева вернулась в комнату как из другого мира. Все вокруг было таким же: чашки, тарелки, шкапулка на столе, но внутри у нее было другое измерение. Она глубоко вдохнула и посмотрела на Милу.

Молчание повисло: не пустое, а какое-то напряженное. Ева отодвинула шкапулку в сторону и села ровно.

– Ты вышла за него замуж, – сказала она прямо.

Мила опустила глаза. Пальцы нервно терли край салфетки. Было видно, что это готовилось внутри нее давно и тяжело. Этот момент неизбежно должен был наступить между ними. Ева не хотела драматизировать, заламывать руки, обвинять и говорить что-то вроде «Как ты могла!». Но и молчать тоже нельзя было.

– Почему? – спросила она просто.

Мила вздохнула. Губы дрогнули.

– Мама умерла, мне стало так пусто. А Максим, он... не знаю. Сначала я его глаза увидела, такие теплые, утонула в них. Потом он просто был рядом, был опорой. Я не думала, что так получится. Я вышла замуж не потому, что хотела отнять у тебя что-то. Я вышла замуж, потому что боялась остаться одна.

Она сказала это без оправданий. Слова были ровные, звучали правдиво, как признание.

Ева снова вспомнила ту ночь, в голове еще слышалось тиканье часов. Она посмотрела на Милу и поняла: там, в ее объяснении, правда была своя, простая и живая, тоже глубокая, тоже эмоциональная, тоже важная для нее.

– Ты любила его? – спросила Ева коротко.

Мила подняла взгляд. В ее глазах было что-то такое, не наигранное, а просто стыдливое, голое признание.

– Да. Я любила, – сказала она. – По-своему, не так, как ты, но очень любила. Он стал моим домом. Он дал мне опору, когда я совсем не знала, как встать.

Она помолчала, взгляд ее ушел куда-то вглубь себя, и уже другим, почти хриплым голосом добавила:

– Все думали, что после той поездки я... пришла в себя. Что эта заграничная жизнь помогла мне отпустить боль. Я сама выглядела так, будто стала легче: загорелая, спокойная. Но это все была оболочка, ведь от боли не сбегает, она просто уходит внутрь, сидит там, тихая, тяжелая. Я приехала другой, но не потому, что мне стало лучше, а потому что стала уметь скрывать, как мне плохо. Я... потеряла опору, Ева. И когда появился Максим, он стал первым, за кого можно было хоть как-то зацепиться.

Она слабо улыбнулась – грустно, без сил:

– Поэтому я и держалась за него. Не потому что не видела его недостатков, а потому что, если бы отпустила, мне снова пришлось бы падать одной.

Ева это услышала, и внутри что-то сжалось. Не от злости, а от понимания. Было больно, но и просто.

– Я тоже его любила, – сказала Ева тихо. – И ушла не потому, что перестала. Я ушла потому, что не могла жить в его противоречии. – Сказав это, Ева поняла, что «противоречие» – это для нее, а для Милы как будто это и не противоречие никакое.

Мила кивнула. Слезы выступили на ее глазах, но она сдерживала их. Ее голос стал еще тише.

– Я понимаю, – сказала она. – Я помню, как ты уходила. И прости меня, я должна это сказать. Не за то, что я полюбила его, а просто потому, что перед тобой мне всегда будет стыдно.

Ева улыбнулась, и это была не радость, а маленький жест – мост через трещину между ними. А еще Ева подумала о маме Милы, о ночах, когда Миле приходилось справляться одной.

– Ты должна была думать о себе, – сказала она. – Я не держу зла, просто мне больно, было, и до сих пор еще больно. Но пусть это не будет тайной.

Мила взяла Еву за руку, в ее взгляде было все: любовь, стыд, надежда. Ева вздохнула. В ее груди что-то отлегло: маленькое, но важное.

Ева бросила взгляд в окно: легкий дождь мыл стекла. Она провела пальцем по краю шка- тулки, будто проверяя, все ли на месте.

Они сидели молча несколько минут. Мила брала чайник, аккуратно наливая чай в чашку Евы; а Ева, не думая, положила ладонь на Милину и сжала ее пальцы.

Ева подумала о том, как много вещей теперь надо будет разложить по местам: память, ритуалы, чей-то дом. Но первое было сделано – разговор случился. Не идеально, но случился.

В комнате за окном дождь стал тише. Два человека сидели рядом и перестраивали мир, обсуждали, что будут делать в эти дни: купить цветы, съездить на кладбище, разобрать вещи. Простые действия, но нужные сейчас.

Спокойный гул разговоров прервал звонок домофона. Только установившееся спокой- ствие, казалось, снова будет прервано.

Глава 4

Звонок в домофон прозвучал резко и настолько неожиданно, что все не сразу поняли, что происходит. Женщины никого не ждали: Мила вздрогнула и чуть не уронила чашку, Ада посмотрела на нее, нахмурилась, а Ева уже было поднялась и пошла к панели, но Ада ее перехватила. Мила последовала за ними.

– Да? – Голос Ады прозвучал немного хрипло.

– Это охрана, – объявил голос по громкой связи. – К вам капитан полиции Соколов Андрей Викторович. Мы его уже пропустили.

Ада обернулась к Миле, как будто ища объяснение.

– Я никого не ждала, – растерянно сказала Мила.

– Через минуту будет, – добавил охранник и отключился.

Несколько секунд они просто стояли. Потом Мила почти механически поправила волосы и направилась к двери. Ада что-то тихо шепнула себе под нос, будто молитву.

Когда раздался звонок в дверь, Мила, не мешкая, быстро открыла ее. На пороге стоял мужчина: высокий, сухопарый, но крепкий. На нем была простая кожаная куртка, темные джинсы, черная футболка. Волосы коротко стрижены, темные, слегка волнистые. Черты лица точеные, почти геометричные, глаза – глубокие, внимательные, как будто все фиксируют. Движения неспешные, но точные. Он выглядел как человек, который умеет ждать, не говорит лишнего, спокойный, серьезный.

– Капитан Соколов, – коротко бросил он, переступая порог. – Людмила Николаевна, мы с вами виделись в день смерти вашего мужа, я был здесь с опергруппой, мой коллега общался с вами. – Он сказал это ровно, не смущаясь слов о смерти, как, наверное, и положено людям его профессии.

Он кивнул Аде и показал удостоверение Еве. Ева взглянула, тоже кивнула и представилась.

– Проходите, – снова растерянно произнесла Мила и показала на дверь гостиной.

Он вошел в комнату, обвел ее привычным, фиксирующим взглядом. Ненадолго задержал его на столе с чашками и особенно на шкатулке. Ева, в свою очередь, изучала его: двигался спокойно, привычно, знал свою работу. Но она заметила некую тревогу, едва заметную во взгляде. Что-то произошло?

– Я не знала, что вы приедете, – начала Мила, но он тут же прервал ее.

– Это внепланово, простая формальность, мне нужно будет задать вам несколько вопросов, – сказал он. – Не займу много времени.

Ева внезапно вмешалась:

– Если это просто формальность, почему не вызвали в отделение, а приехали сами? Путь неблизкий, думаю, и... – и осеклась, сама поразившись своей наглости.

Соколов бросил на нее удивленный взгляд, но без колебаний ответил.

– Стандартная процедура, – твердо сказал он и повторил: – Я вас не задержу.

Мила жестом пригласила его сесть. Соколов сел на край стула, не снимая куртки, и достал блокнот. Щелкнул ручкой и расположил блокнот на колене.

Ада остановилась в углу, будто хотела быть в комнате, но и не мешать. Ева заметила, что Ада будто бы напугана: переживает за Милу?

– Итак, – начал он. – Вопросы формальные, ничего серьезного. Но мне нужно знать чуть больше.

Мила кивнула и, сев в кресло, схватилась за чашку, как за якорь.

– Последние недели. Было ли что-то необычное в поведении вашего мужа?

Мила посмотрела на свои руки, потом на чашку. Дышала глубже обычного.

– Меня уже спрашивали, мне кажется он... стал другим, тише, позже приходил, сильно уставал, ложился почти сразу. Иногда не говорил ни слова за весь вечер. Когда я спрашивала, то он либо ссылался на работу, либо отмахивался. Но за пару дней до... в общем, он просил поискать врача, снотворное, но как-то нервно, впопыхах, я не понимала, что происходит, пыталась с ним поговорить сначала, но он не шел на контакт.

Соколов что-то помечал в блокноте и внимательно слушал. В комнате повисла вязкая тишина.

– То есть он тревожился? Боялся?

– Боялся? Нет, не знаю, не то чтобы боялся, – тут Мила запнулась и призадумалась, – а может, и боялся... Мне казалось, просто на работе было нервно, подумала, может, выгорел, устал. Я не подумала, что он боялся, но вы спросили, и я теперь даже не знаю...

Соколов коротко кивнул. Взгляд его скользнул по столу, по чашке, по Аде. Потом – снова на Милу.

– Он говорил о проблемах? Конфликтах?

– Конкретно о каких-то проблемах нет. Мог бросить: «Клиент чудит» или: «Достали на встрече». Я видела, что он просто отмахивается, но не могла его разговорить.

– Угрозы или что-то подобное не замечали?

Мила округлила глаза:

– Угрозы? Нет-нет, ничего такого. Он стал замкнутым, но я уверена, что такого просто не могло быть!

Соколов резко прервал ее возмущение:

– Долги, кредиты?

– Не обсуждали такого. Но я не думаю, что были. Он – человек грамотный, ну, в финансах и во всем таком... был. – Мила всхлипнула. – Мы когда только начали встречаться, у меня был долг по кредиту за ту мою поездку в Европу: хоть и грант, но расходы были приличные. Как он тогда на меня ругался, говорил, чтобы больше никаких кредитов, так нельзя делать, и все такое. Закрыв вопрос и взял с меня обещание, чтобы такого больше не было.

– Ясно.

Он на мгновение перевел взгляд на Еву. Она смотрела на него спокойно, но напряженно. Соколов вообще быстро отметил про себя, что Ева внимательно наблюдает – похоже, делает какие-то выводы.

– А вы? В последнее время общались с покойным? – обратился он к ней.

– Дело в том, что я не виделась с Максимом и с Милой почти три года. Мила позвонила мне вчера с просьбой приехать, поддержать, пожить здесь.

Соколов приподнял брови.

– Понимаю ваше удивление, – продолжила Ева, – но раньше мы с Милой были очень близки. А с Максимом в прошлом меня связывали, эээ... отношения. Потом они поженились и... – Ева отвела взгляд и сложила руки на груди, – мы перестали общаться.

– То есть с покойным у вас была связь и теперь, после его смерти, вы утешаете подругу?

– Если вы намекаете на что-то, то скажите прямо! – процедила Ева возмущенно, но сдержанно.

Прямолинейность и твердость Евы часто располагала к себе людей, потому что сразу понятно, что перед тобой человек, скорее всего, честный и порядочный. Соколов не стал исключением, отметив про себя, что из всех присутствующих, похоже, именно Ева обладает твердым характером, логикой и решительностью.

– Я просто задаю вопросы, Ева...

– Геннадьевна.

Соколов перевел взгляд на Аду.

– Ада Петровна? – обратился он к домработнице.

Ада вздрогнула, сделала шаг ближе.

– Да?

– Вы были дома в тот вечер?

– Да, я здесь живу. Мы с Милой пекли печенье, кокосовое. – Она замолчала, будто поняла, что говорит не то. – Мы слышали хлопок, побежали вверх.

– До этого замечали что-нибудь странное?

– Ничего, Максим был в спальне, не спускался, телевизор не включал. Все было тихо.

Соколов чуть щурился, но все так же молчал. Казалось, он считывает не только слова, но и паузы между ними. Ада прикусила губу, сцепила руки. Ева заметила, как ее пальцы слегка подрагивают. Было видно, что она нервничает. Не каждый день приходится общаться с полицией.

Он задал еще несколько вопросов: о характере Максима, о том, с кем он общался, не заметила ли что-то Ада, находясь в доме постоянно. Все звучало буднично, но при этом не отпуская ощущение, что он что-то ищет.

– Оружие принадлежало ему? – спросил он в какой-то момент.

– Да... – Здесь Мила запнулась, потому что про эту странность она почему-то не подумала. – Где-то месяц назад принес пистолет домой, я была в ужасе! Но он успокоил, сказал, что многие имеют оружие в сейфе для безопасности, мол, не бери в голову даже.

Соколов кивнул, сделав еще пометку в блокноте.

– Спасибо, – произнес он наконец, но слегка задумчиво. Было видно, будто хотел спросить что-то еще, но передумал. – Это все. Если вдруг вспомните что-то, даже мелочь – прошу связаться.

Он вытащил визитку, положил на край стола. Мила не потянулась, а Ева взяла карточку. Бумага плотная, шрифт строгий: имя, звание, номер.

– Хорошо, – сказала Мила сдавленно.

Он встал, снова осмотрел гостиную. И, ничего не сказав больше, просто пошел к выходу. Когда он ушел, Мила осталась сидеть в кресле, взгляд – пустой и растерянный.

– Ты заметила, как он смотрел? – прошептала она.

– Он следователь, – ответила Ева. – Они всегда так смотрят, наверное.

Но она и сама почувствовала: что-то Соколов искал и не нашел. Или наоборот.

Когда через пару минут он уже подходил к машине, Ева наблюдала из окна. Решение родилось внезапно.

Она бросила на ходу: «Я сейчас» и вышла из дома, догнав его у ворот.

– Капитан, подождите!

Он уже садился в машину, но остановился и обернулся. Как будто не удивился.

– Что-то вспомнили?

– Пока нет. – Она запнулась. – Просто... – Она боялась спросить, но слова сами вылетели: – Вы не верите, что это самоубийство, да?

Соколов посмотрел на нее спокойно, оглядел внимательно, будто прикидывая. Не торопился говорить, он вообще редко торопился.

У него была чуйка: не интуиция, а что-то, выработанное годами, – смесь наблюдательности, памяти на детали и умения считывать людей быстрее, чем они сами понимают, что говорят. Эта чуйка не раз вытаскивала его из тупиков: показывала, с кем стоит копать глубже, кто врет, кто что-то прячет, а кто просто боится. Он научился доверять ей. Иногда она проявлялась в виде легкого внутреннего сигнала. Иногда – как отчетливое чувство: здесь что-то не так.

Был такой случай: в Одинцове, два года назад, все были уверены, что молодая мама – самоубийца. Окно, послеродовая депрессия, показания свидетелей. Только Соколову не понравилось, как муж вел себя на допросе. Ни капли страха, горя, зато много аккуратной злости. Он

тогда просто сказал коллеге: «Оставь мне этого мужика на день». Через сутки был протокол признания и найденные в телефоне жертвы удаленные угрозы. Чуйка не подвела.

Он не всегда мог объяснить, что именно не так. Но когда чувствовал, что не так, то цеплялся за это. И почти всегда был прав. Так он и жил: слушая не только людей, но и себя.

И сейчас, глядя на Еву, он знал: с ней можно иметь дело.

– Я не уверен, – сказал он. – Бывают случаи, когда картина слишком аккуратная. И вот тогда начинаешь сомневаться.

– И вы думаете, что кто-то?..

– Пока нет доказательств, но, возможно, здесь не все чисто. Я думаю только одно: нужно быть внимательным.

Он замолчал. Ева стояла, сжимая визитку. Соколов снова задумался, явно взвешивая. Но пока просто бросил:

– Если что-то вспомните, заметите, найдете – звоните мне сразу.

Она кивнула. Хотела сказать что-то еще, но передумала.

Соколов сел в машину, завел двигатель. Прежде чем тронуться, он посмотрел на нее еще раз: дело закрыто, никто не знает в отделе, что он полез в это. Может статься, что ему понадобится чья-то помощь.

Ева осталась стоять на дорожке, пока звук двигателя не стих. Ветер тронул край ее рубашки. Визитка была все еще в руке – сухая, с шершавой текстурой бумаги. Она сжала ее и вернулась в дом.

Все выглядело так же. Мила – в кресле с чашкой, Ада – рядом в задумчивости.

Но в воздухе было что-то другое. Пауза, трещина. Словно дом сам напрягся, почувствовав, что капитан не поверил. Не до конца.

Позже, когда Ева поднялась наверх, она остановилась у зеркала в коридоре. Посмотрела на свое отражение и на мгновение увидела себя в том же зеркале – только другой, маленькой, в зимнем пальто. Тогда, когда ее отец умер. И в их квартире тоже ходили следователи, такие же внимательные. Один из них сказал тогда ее матери: «Мы постараемся их найти». Но не нашли, в итоге почти и не пытались...

Она прошла в комнату, приготовленную для нее Адой, и аккуратно положила визитку в книгу, между страниц.

Глава 5

Ева сидела на кровати с книгой в руках. Страницу она не переворачивала уже минут пятнадцать. Слова не складывались в смысл, но книга все равно лежала на коленях – как успокаивающий ритуал. Все тот же том «Ребекки» в старом издании, прихваченный из дома, затертый по краям, с пожелтевшими страницами. Чтение для нее было таким якорем, который всегда поддержит, когда сложно, когда не знаешь, что дальше, когда не хочется ничего, когда тупик.

Дверь приоткрылась тихо, почти без звука.

– Опять читаешь, – сказала Мила, стараясь улыбнуться, но улыбка не получилась.

Ева подняла взгляд и едва заметно кивнула.

– Привычка.

Мила вошла, села рядом. На ней был тот же свитер, что утром, только теперь немного помятый, а в руках она снова теребила салфетку.

– А я помню эту книгу! Она у тебя была еще во времена студенчества. Эту красную надпись на черном фоне не забыть, я всегда думала, что это что-то вампирское, но ты начала дотошно пересказывать сюжет, объясняя, что это детектив, – сказала она с улыбкой. – Ты ее снова перечитываешь?

– Иногда возвращаюсь. Чаше читаю новое, но пару дней назад обратила на нее внимание, захотелось погрузиться.

Мила ностальгически улыбнулась.

– Ты всегда так много читала этих детективов. Помнишь, я удивлялась, как ты успеваешь: учеба, подработка, и еще четыре книги в месяц?

Ева улыбнулась краем губ.

– Я тогда сказала, что, может, у меня просто зависимость от тайн.

– От расследований, – поправила Мила, и в голосе мелькнула нежность. – Тогда ты уверяла, что могла бы быть неплохим следователем.

– Может, и могла бы, – сказала Ева. – Но жизнь коротка, нужно было что-то выбирать. Да и реальность не часто такая увлекательная, как в книгах.

Повисла пауза. За дверью послышался легкий скрип: где-то по коридору двигалась Ада.

Мила вдохнула и вдруг спросила то, что вертелось на языке:

– Ева, а ты ведь... говорила с ним, да? С этим Соколовым.

Ева опустила глаза.

– Немного.

– И?

Пауза. Ева долго вертела книгу в руках, будто искала нужное слово между страницами. Она не знала, стоит ли говорить Миле о подозрениях Соколова, она и так постоянно плачет, еще не хватало, чтобы теперь она боялась.

– Ничего конкретного... Думаю, это просто формальность.

Но Мила слишком хорошо знала этот взгляд: Ева так на нее смотрела, будто пыталась ее расслабить, убедить... эта натянутая улыбка. Она и сама не была уверена, что хочет знать, но как будто по-другому теперь никак.

– Ева, ты можешь сказать мне. Мне тяжело, но я же вижу – что-то не так. – Она говорила твердо. – Слушай, я, может, не такая выносливая, но крепче, чем кажусь. И я хочу, чтобы мы справлялись вместе.

Ева отложила книгу, выдохнула.

– Он не сказал прямо. Но... кажется, сомневается.

Мила напряглась.

– В чем сомневается?

– Что все так, как кажется.

Тишина. Снаружи где-то шумел ветер, гремел мусорный бак. Мила вдруг встала и начала ходить по комнате.

– Господи... – сказала она. – Значит, он и правда думает, что Максима убили? Что... кто-то был в доме?

Ева постаралась быстро успокоить подругу:

– Подожди, я ничего не знаю точно. Капитан ничего не утверждал.

Мила остановилась, закрыла лицо ладонями.

– Значит, он может думать и на меня.

– Мила... – Ева встала, подошла, положила руку ей на плечо. – Он не думает, он проверяет. Это его работа.

Мила покачала головой.

– Нет, ты не понимаешь. Я должна была рассказать ему больше, вспомнить хоть что-то. Может, у Макса были конфликты... но я не помню. Не было вроде. Только эти постоянные звонки, совещания, клиенты...

Ева молчала.

– Он же... у него фирма, помнишь? – Мила обернулась. – Они делают какие-то программы для компаний... CRM-системы, кажется. Там же бывают огромные деньги, конкуренция. Может, там все и началось.

– Может, – тихо ответила Ева.

Мила села снова, уже спокойнее, но с потухшими глазами.

– Я подумала, может, ты не просто так здесь, – сказала она. – Сначала просто хотелось, чтобы ты была рядом. А теперь думаю: может, ты сможешь помочь. Ты же умеешь копаться, искать, понимать людей. Мне тяжело туда лезть, к его бумагам, к этому всему. А ты... ты сильнее.

– Я не следователь, Мила.

– Я и не прошу. Просто посмотри. Может, ты заметишь что-то, чего я не вижу, чего я не знаю. Ради него, ради меня... – Мила помолчала, смотря в окно, и вдруг, повернувшись, тихим голосом проронила: – Ты ведь тоже не сразу ушла от него, когда было плохо. Ты пыталась. Ты знаешь, какой он был.

Ева медленно подняла на нее глаза.

– Он был... сильным. В нем было столько огня, что все обжигались.

– Да, – прошептала Мила. – И все равно я его любила, до конца. Даже когда перестала его понимать.

Они замолчали. С улицы вновь донесся звук, как будто что-то катили по асфальту. Ева вдруг вспомнила, как в подростковом возрасте играла в молчанку, когда никто не знал, кто первый сдастся. Только сейчас это была молчанка не ради игры, а потому что каждое слово звучало как выстрел.

Очнувшись от воспоминаний, Ева кивнула.

– Покажешь мне спальню, где все случилось? – спросила она.

– Конечно, пойдем.

Они двинулись по коридору в сторону самой дальней спальни. Перед тем как открыть дверь, Мила постояла несколько секунд в нерешительности и только потом опустила ручку и толкнула ее.

Комната выглядела как после дезинфекции. Наверняка после отъезда полиции Ада все вычистила до блеска, но, видимо, Мила больше не спит здесь, может, даже и не заходила с того момента. Интерьер в спальне был хоть и простым, но видно, что мебель не из дешевых: дубовая кровать с красивым покрывалом молочного оттенка, небольшой столик с пуфиком,

шкаф. На полу справа от кровати явно был ковер, потому что слева он был. Видимо, справа спал Максим, и ковер пришлось выбросить из-за пятен крови.

– Скажи, в доме было место, где Максим мог работать? Где лежат какие-то его бумаги, документы.

– Как такового кабинета у нас нет, он работал всегда в офисе. Но вот в этом столе есть какие-то его бумаги, которые он обычно возил с собой туда-сюда. – Мила указала на ящик в небольшом столике. – Ты можешь осмотреть все, что посчитаешь нужным.

Ева выдвинула ящик: внутри лежали папки с документами, в каждой были аккуратно сложены бумаги, договоры, паспорт, полис и так далее, Максим был довольно педантичен. Ева листала файлы без особой надежды найти что-то полезное. Внезапно она заметила сложенный лист А4, сквозь бумагу которого проступал красный маркер. Если не вынимать договор, то бумагу можно было и не заметить.

– Я пойму, если ты не захочешь с этим разбираться, – сказала Мила. – Но если вдруг... сможешь, помоги мне. Я просто хочу знать правду, даже если она страшная, и если он сам... то хочу знать почему.

Ева не ответила сразу. Она смотрела на надпись, одновременно с ужасом и интересом: «Я тебя знаю, ты ответишь за все!» А потом тихо сказала, стараясь не выдать голосом ужас:

– Ничего не обещаю. Но я попробую.

– Девушки, обед остынет! – Голос Ады прозвучал неожиданно, с нижнего этажа.

Они обе вздрогнули.

Ева положила записку обратно, закрыла папку, словно ничего не нашла.

Мила выдохнула и пошла за ней вниз.

На кухне пахло тушеными овощами, свежим хлебом и чем-то мясным. Ада расставляла тарелки, ловко, почти торжественно. Ева заметила тень когда они с Милой шли к спальне. Тогда она подумала, что показалось. Но теперь, глядя на то, как Ада двигается по кухне, поймала себя на мысли, что, видимо, тогда заметила Аду.

Слишком внимательная, слишком вовлеченная. Казалось, Ада не просто работает здесь – она живет этой семьей, дышит ею. Может, это просто преданность и привязанность к Миле?

– Ева, забыла спросить, вы едите мясо? На всякий случай я приготовила вегетарианский вариант, – заботливо обратилась она к Еве.

Ева была тронута. Ада по-прежнему напоминала ей заботливую маму, от милой суеты которой вокруг становится тепло и по-домашнему. Все же эта женщина очень располагала к себе. Если и подслушивала, то, кажется, Мила не была бы против. Поддержка Ады ей сейчас очень кстати.

– Я все ем, спасибо, Ада, – улыбнулась Ева.

После обеда Ева поднялась наверх. Сил не было ни думать, ни двигаться. Она села на кровать. Книга все еще лежала там же, где она оставила ее. Рухнув на подушку и прикрыв глаза, она решила немного подремать: день был насыщенный на эмоции, переживания и события, тело просило отдыха.

Телефон завибрировал. Сообщение от незнакомого номера: «Ева, добрый день. Это Данил, по заказу на перевод. Сегодня в девятнадцать ноль-ноль все в силе?»

Данил – бизнесмен, позвонил ей пару дней назад с предложением о работе. У него планировалась встреча с иностранной компанией, и он решил лично поискать переводчика, чтобы работать с ним на постоянной основе. По телефону он как-то сразу располагал к себе, со смехом признался, что уровень его английского – «ломаный pre-intermittent, или как-то так». Ева в ответ тоже рассмеялась над тем, как он исковеркал слово intermediate. Было странно, вроде это деловой звонок, а общались они так, будто давние друзья. И она приняла предложение. Работать с комфортом и отсутствием неловкости, которая часто бывает, когда люди только начинают взаимодействовать, было для нее большой радостью.

Она посмотрела на часы: почти половина шестого.

Мысль ехать в Москву и обратно казалась невыносимой. Она уже набрала: «Извините, не получится», но потом остановилась. Все же это работа, ее деньги. Маленький кусок нормальной жизни за пределами этого дома.

И еще – привычка не подводить.

Ева стерла сообщение, подтвердила встречу и пошла собираться.

Перед тем как покинуть дом, она еще раз просмотрела вещи Максима в шкафу, больше никаких записок с угрозами обнаружено не было. От подружки она скрыла свою находку. «Наверняка придется ей рассказать, но не прямо сейчас», – подумала Ева и сунула записку в карман.

В прихожей было тихо. Только шорох дождя за окном.

Она надела ветровку, взяла сумку, на секунду оглянулась – Мила стояла в дверях кухни.

– Ты уезжаешь? – спросила она.

– Ненадолго, по работе.

– Хорошо. Слушай, я хотела еще попросить, – она замаялась, – я сейчас сплю в гостевой, но можно мне лечь у тебя сегодня? Там есть кресло, оно раскладывается, – поспешила она успокоить Еву.

– Просто ложись со мной, будем как в студенчестве, когда засыпали за конспектами. – улыбнулась Ева.

– Как раньше.

– Как раньше.

Когда она вышла из дома, небо немного прояснилось. Машины, припаркованные вдоль дороги, блестели каплями дождя. В лужах серебрились лучики солнца. Ева в тот момент подумала, что даже когда происходит такая трагедия, жизнь все равно идет, все равно светит солнце. Но почему? В голову сразу пришла английская песня Скитер Дэвис «Why does the sun go on shining?» – в ней девушка поет о том, что не понимает, почему светит солнце, оно что, не знает, что ее больше не любят.

Только здесь дело было похуже.

Она завела машину, включила фары и, глядя в зеркало, увидела, как свет от фар выхватывает окно второго этажа – спальню Максима и Милы.

Там по-прежнему горел свет. А Мила стояла в окне кухни внизу, с чашкой. Они встретились взглядами. Что-то сегодня уже изменилось. Она чувствовала: назад дороги нет.

Глава 6

Кафе было почти пустым. Несколько студентов спорили за дальним столиком, официантка у окна лениво листала телефон, а в динамиках тихо играло джазовое пианино. Воздух был насыщен мягким запахом кофе с корицей, и этот аромат будто специально задерживал посетителей дольше, чем они планировали. За стеклом тянуло прохладой – остатки сентябрьского дождя испарялись с асфальта, оставляя влажные, дымчатые разводы.

Ева пришла чуть раньше: чтобы занять место у окна и немного успокоиться. Заказала чай, обхватила ладонями теплую чашку и стала изучать прохожих. Она любила этот процесс: угадывать людей по походке, взгляду, манере держать телефон. Иногда это было почти как чтение книги: короткой, но емкой. Мужчина с портфелем, который все время оглядывался назад, явно боялся чего-то; девушка с накрашенными ярко-красными губами шла по лужам медленно, будто специально привлекая внимание. Ева знала: чаще всего ее догадки оказывались правдой, и это умение было ей и игрой и оружием.

Дверь кафе тихо звякнула – короткий, чистый звук колокольчика. Сквозняк ворвался следом, принесся запах мокрого асфальта и осенних листьев. Ева машинально посмотрела на вход.

Мужчина, вошедший в кафе, на секунду задержался у двери, как будто вслушивался в пространство. Он огляделся, взгляд мягко скользнул по залу, задержавшись на ней, – мужчина пошел к ее столику.

Ева узнала его еще до того, как он подошел: лицо с фото в мессенджере, только живую оно выглядело теплее, живее. Высокий, темноволосый, в темно-синей ветровке. На плечах дождевые капли, волосы – легкая волна, приглаженная рукой.

Когда он снял ветровку, ткань тихо прошуршала, и воздух на секунду наполнился свежестью улицы.

Белая футболка-поло подчеркивала теплый оттенок кожи. Движения спокойные, уверенные – человек, у которого все под контролем.

– Ева? – уточнил он с легкой улыбкой, и голос оказался чуть ниже, чем по телефону, – мягкий, бархатный, с тихим басом в конце фразы.

– Да, здравствуйте.

Ева поднялась, и они обменялись рукопожатиями. Его ладонь была сухой и теплой, кожа с легкой шероховатостью, как у человека, который работает руками, а не только клавиатурой.

Он сел напротив, положив ветровку на спинку стула, заказал черный кофе и сцепил пальцы в замок.

Ева невольно отметила сильные руки, с легкими следами загара, сухие запястья, коротко остриженные ногти. Во время звонка он вскользь говорил, что его фирма связана со строительством и автоматизацией.

«Может, он и сам выезжает на объекты?» – мелькнула мысль.

– Спасибо, что нашли время, – сказал он, слегка наклоняясь вперед. – Добираться в пятницу – удовольствие так себе.

– На самом деле я живу здесь, неподалеку. – Ева улыбнулась. – Но сегодня действительно ехала издалека, незапланированно временно переехала.

– Вот как? Что ж, надеюсь, повод к переезду был приятный.

Ева на секунду «потеряла лицо», но быстро заверила его, что все в порядке. Однако эта перемена как будто не ускользнула от его внимания. Но он просто кивнул и чуть улыбнулся: уголком рта, спокойно.

И в этот момент официантка поставила на стол чашку кофе: тонкий аромат обжарки вплеся в запах ее чая с бергамотом.

Воздух между ними стал теплее.

– Что ж, – начал он, делая глоток, – тогда расскажу коротко, чтобы не утомлять. Мы занимаемся проектами автоматизации и энергоэффективности. Простыми словами – делаем здания и предприятия «умнее»: автоматический контроль климата, освещения, энергопотребления. Это помогает экономить и ресурсы и деньги.

Он говорил спокойно, без позы и показного энтузиазма, как человек, который знает, что делает, и не нуждается в эффектных словах.

– У нас сейчас планируется встреча с индийскими партнерами. Компания Trion Systems, они внедряют похожие технологии у себя и ищут партнеров в России. Хотим запустить совместный проект: они поставляют оборудование, мы адаптируем под наши объекты. Объемы планируются в будущем большие, поэтому хочу подключить все возможное, чтобы переговоры прошли успешно, в том числе и переводчика. Встреча в понедельник, все на английском.

– Поняла, – сказала Ева, чуть подвинув чашку. – Как вы понимаете на слух речь? Бывает, что человек все понимает, но не говорит.

– Тут вы правы, понимаю неплохо, но буду давать знак, если требуется ваша помощь, – уточнил он. – Также важен не только технический смысл, но и... дипломатия. Но что-то мне подсказывает, что вы человек тактичный и вам можно доверить важный разговор.

Она кивнула, оценивая.

– Я смогу. Мне нужны будут от вас материалы: возможно, черновик договора, какие-то специфические термины в вашей области, чтобы я могла подготовиться.

– Я попрошу секретаря подготовить, – подтвердил Данил. – Думаю, что завтра уже смогу все выслать.

Ева кивнула, а он сделал глоток кофе. Горячий пар поднялся между ними, завился спиралью и растаял. Металл ложечки тихо звякнул о фарфор, и этот звук разрезал пространство, как короткий штрих в музыке.

Никто не спешил говорить. Но тишина не была неловкой – она будто заполняла все вокруг мягким светом.

За соседним столиком кто-то листал журнал, за окном стучали по подоконнику редкие капли дождя. Ева почувствовала аромат кофе – плотный, с горчинкой, будто из старой обжарки. Этот запах напомнил ей что-то домашнее, спокойное – как утро, когда никуда не нужно идти. Тепло от чашки под пальцами, шум улицы за стеклом, мягкий свет лампы над столом – все слилось в одно.

Она взглянула на Данила. Он сидел спокойно, чуть наклонившись вперед, руки сцеплены на столе. Не смотрел пристально, но взгляд его был внимательным. В нем не было суеты: он не щурился, не поджимал губы, не пытался заполнить паузу словами, просто пил кофе, как человек, который умеет быть в тишине и не чувствовать неловкости.

И вдруг Ева поймала себя на том, что оценивает его как мужчину: осанку, голос, движения. Мысль вспыхнула и тут же погасла.

«Не стоит», – сказала она себе, сделала глоток чая и отвела взгляд в окно.

– Знаете, вы представлялись мне иначе, – сказала она после паузы. – Я почему-то ожидала увидеть кого-то более... нервного. Обычно заказчики спешат, дают сроками.

Данил усмехнулся.

– Видимо, сказывается опыт: я уже не спешу. Если дело стоит того, оно не убежит.

– Звучит мудро, – улыбнулась Ева.

– Скорее практично. В нашем бизнесе паника мешает. Там, где оборудование стоит миллионы, спешка – главный враг.

– Понимаю, – кивнула она. – Такой подход мне нравится, часто заказчики меня торопят: «Ну ты же просто переводишь», как будто я уже родилась с этим навыком, – засмеялась она.

Он чуть приподнял бровь.

– А у вас бывают клиенты, которые считают, что переводчик – это приложение к «Гуглу»?

– О, таких большинство. Один раз мне даже сказали: «Вы просто переводите, зачем столько готовиться?» А у меня там в тексте был медицинский отчет. Если бы я перевела слово неправильно, человеку могли бы поставить не ту дозу препарата.

– Тогда ваш труд может быть дороже, чем мой, – сказал он серьезно, но в глазах мелькнула улыбка.

Разговор стал естественным, легким. Они обменивались историями из опыта работы – не стараясь произвести впечатление, просто болтали. В какой-то момент Ева поймала себя на мысли, что улыбается чаще, чем за последние недели, даже лицо заболело. И смех этот был не из вежливости, а потому что действительно смешно.

Данил оказался тем редким собеседником, который не тянет разговор на себя. Он слушает, вставляет короткие, точные реплики, и от этого хочется говорить дальше.

Когда они немного помолчали, он вдруг сказал:

– У вас взгляд меняется, когда вы замолкаете. Как будто на секунду выключаете свет.

– Это с годами, – усмехнулась она. – Маскирую усталость.

– Не похоже на усталость, – сказал он спокойно. – Скорее на грусть.

Ева отвела взгляд к окну. За стеклом дождь снова начинал моросить, свет фонаря дробил на каплях.

– Старый друг умер, – сказала она после паузы, внутренне немного удивившись своей откровенности. – Муж моей подруги, у нее я сейчас и живу. Официально – самоубийство. Только... там все слишком запутано, даже следователь, похоже, сомневается.

Он не перебил. Только чуть кивнул.

– И вы не верите, что он сам?

– Не знаю, – честно сказала Ева. – Вы, наверное, посчитаете меня странной, но мне кажется, если не узнаю правду, не смогу спокойно жить.

– Это похвально. Хотя... – он посмотрел на нее, – иногда правда ломает сильнее, чем незнание.

– Я это уже проходила, – тихо ответила она.

– Расскажите?

На нее вдруг нахлынули воспоминания: яркие и болезненные.

Она снова была ребенком, стояла у больничной палаты и смотрела на отца, лежавшего безжизненным. Врач произнес слова спокойно, почти без эмоций:

– Травмы несовместимы с жизнью.

Ева помнила, как ее сердце сжалось, а тело стало тяжелым, словно она тонет.

Потом мать металась по коридорам в отделе, звала полицию, пыталась что-то объяснить, но все говорили одно и то же: «Не первый, не последний, обычная драка, дел у нас хватает». Их равнодушие было таким ощутимым, как холодная стена, за которой не слышно криков о помощи.

Ева запомнила и другое: как мама в коридоре отдела кричала, что очевидец видел двух подростков рядом с теми, кто напал. «Один светлый, высокий, на руке татуировка, второй темный. Почему вы не ищите?» Эти слова врезались в память Евы и теперь звучали эхом.

Она помнила, как мама села на холодный пол пустого коридора, беспомощно дрожа, плача, а сотрудники даже не обернулись. Ева стояла рядом и впервые почувствовала, как выглядит беспомощность в мире взрослых – безнадежная, без права голоса, без надежды на справедливость.

Тогда у нее в голове начало складываться: если когда-нибудь кто-то окажется в подобной ситуации, она не позволит им остаться без помощи. Тогда же родилось ее чувство долга, его тяжесть лежала в каждом ее решении, во всех поступках, которые она делала взрослой.

Очнувшись, Ева посмотрела на Данила, взвесила. Он не давил, просто ждал. И от этого говорить стало легче.

– Моего отца убили, когда мне было двенадцать. Напали возле дома, из-за кошелька. Ничего не доказали. Следствие закрыли быстро. Мама тонула в горе, шло время, и она сказала, что надо отпустить. А я не смогла.

Она сделала паузу, потом продолжила:

– С тех пор я просто не верю в то, что все бывает случайно. Наверное, поэтому я и не могу пройти мимо этой истории.

– Может, вы не отпускаете, потому что в вас все еще живет тот ребенок, которому тогда не объяснили, что произошло, – сказал он спокойно.

Ева усмехнулась, не ожидая услышать настолько точные слова.

– Возможно.

– А отец... кем он был?

– Он преподавал английскую литературу в университете, еще подрабатывал переводами. В девяностые и в начале двухтысячных заказы у него были хорошие, мы жили неплохо. Он любил книги, музыку, учил меня читать Шекспира вслух – с интонацией, с паузами. Я тогда ворчала, а теперь... теперь только это и помню.

Она улыбнулась грустно.

– С ним было легко. Папа умел рассмешить, снять напряжение, всегда находил слова. Не встречала никого, кто бы умел так красиво строить свою речь. Его смерть... мне кажется, я до сих пор не смирилась.

Ева вдруг поняла, что уж очень разоткровенничалась, и быстро добавила:

– А еще он уверял, что все драмы про одно – про то, что люди не умеют слушать друг друга. Говорят, но не слышат. Наверное, он был прав.

Данил кивнул, чуть усмехнувшись.

– Пожалуй, Шекспир бы с ним согласился. Полмира живет на недосказанностях.

Ева улыбнулась, коротко, почти незаметно. И на секунду ей показалось, что между ними возникло то самое – понимание без слов.

Они снова замолчали. На этот раз – спокойно, будто оба поняли, что разговор не требует выводов.

Когда они вышли, воздух стал прохладнее. Ветер раздувал листья по тротуару, мокрый асфальт отражал свет фонарей.

– Проводить вас до машины? – спросил Данил.

– На самом деле я оставила машину у себя во дворе. Хочу забежать домой, покормить кошку, потом поеду обратно.

– Тогда прогуляюсь с вами, если не возражаете.

Она не возражала. Они шли рядом. Город постепенно стихал – редкие машины, шум трамвайных рельсов, запах кофе из открытого окна пекарни. Разговор уже не требовал усилий – просто фразы между шагами.

Ева что-то сказала – вроде бы пустяк, про то, как с ним легко говорить. Она не смотрела на него, просто произнесла это неосознанно, между делом.

– Просто я умею слушать.

– Сейчас это редкость.

– Это выгодно. – Он чуть улыбнулся. – Когда слушаешь, узнаешь больше, чем когда спрашиваешь.

Ева усмехнулась.

– А вы, похоже, философ.

– Скорее наблюдатель. В профессии пригодились. Когда работаешь с людьми, нужно понимать, кто перед тобой – тот, кто ищет решение, или тот, кто ищет повод сорваться.

Она кивнула.

– Иногда это и про жизнь в целом.

– Согласен.

Данил шагал рядом, чуть медленнее, чем обычно, будто подстраиваясь под ее темп. Он рассказывал что-то о работе, негромко, с легкими паузами, и Ева ловила себя на том, что не всегда слушает слова, а просто слышит голос – ровный, спокойный, уверенный.

Мимо проехала машина, ослепив фарами. Капли с деревьев осыпались на тротуар, пахнуло прохладой, и Ева машинально приподняла воротник.

Они прошли еще немного молча. Город звучал мягко: редкие шаги, далекий лай, низкий гул трамвая за перекрестком. Ева вдруг почувствовала, как все внутри стало тихо. Не пусто, а именно тихо, как в доме, где наконец потушили свет и можно просто быть.

И в этой тишине не было ни тревоги, ни неловкости.

Только шаги по мокрому асфальту и ощущение, что они идут рядом не впервые.

Глава 7

Когда Ева вошла в квартиру, сумерки уже сгустились окончательно. В сентябре в какой-то момент уже хорошо начинаешь ощущать дыхание осени: темнеет раньше, воздух чуть холоднее, даже если днем тепло, как летом.

Дверь щелкнула слишком громко, и тишина квартиры откликнулась на этот звук тяжелым гулом. В желтоватом свете фонаря за окном стекло дрожало, будто от дыхания. Она скинула куртку, бросила сумку прямо в прихожей и медленно прошла в комнату.

Агата встретила хозяйку сонным мяуканьем и неторопливо потерлась о ноги. Ева подняла ее, прижала к груди теплое живое существо, чувствуя, как тихо урчит ее теплое тело. Это возвращало к жизни: в отличие от всего остального, оно существовало здесь и сейчас, не требовало объяснений.

Ева зашла на кухню. Металлическое звяканье крышки от корма, тихое шуршание крупинки в миске, короткое прерывистое мяуканье – все эти привычные звуки, сейчас, во всем этом вихре событий, давали опору.

Она налила воду: струя ударила в стекло, и по плитке пополз мягкий отблеск. Агата с аппетитом накинулась на корм, активно похрустывая.

Ева провела рукой по волосам, закрыла дверцу шкафа и прошла в комнату. Диван поддался под ее весом, воздух вокруг чуть сдвинулся. На секунду стало тихо – только шорох корма в металлической миске и далекий шум машин за окном.

Мир наконец остановился.

Долгий день тянул за собой тяжесть, но не ту, что раньше. Сейчас в ней было больше усталости, чем тревоги. Хотелось просто посидеть, не думая, позволить себе побыть в покое.

На секунду перед глазами встал вечер с Дániлом – не слова, а ритм, дыхание, теплое ощущение нормальности, которое она давно не чувствовала.

Из этих мыслей выдернула тихо подкраившаяся, утлившая первый голод Агата: мягкие лапки легко запрыгнули на диван. Кошка немного покрутилась и свернулась клубком прямо рядом с хозяйкой и задремала, изредка подергивая хвостом. Еве вдруг показалось, что кошка сторожит ее мысли: стоит отвлечься, она мягко коснется лапой, напомним о настоящем.

Ева запустила пальцы в теплую шерстку и тяжело вздохнула: Максим мертв, но в ее памяти он все еще жил. Не как человек, а как рана. Со шрамом можно жить: он болит, но позволяет идти дальше. А рана не дает ни шагнуть, ни вдохнуть, тянет назад. И Ева возвращалась снова и снова.

Но однажды она почти смогла, почти вырвалась. Ева откинулась на спинку дивана, и в памяти всплыло то лето.

Тогда тоже был вечер, но летний. Шумный лофт на Киевской, окна настежь, запах вина и кофе, разговоры, смех.

Ева тогда подрабатывала в редакции переводчиком. Корпоративная домашняя вечеринка – вроде бы ничем не особенная, но все в ту ночь казалось настоящим.

Он сидел напротив, в старой футболке, с кружкой в руке. Рассказывал истории – про дороги, горы, случайных попутчиков. Говорил просто, не рисуясь. И она слушала – не потому что хотелось понравиться, а потому что в его голосе было то, чего ей не хватало все эти годы: легкость.

Когда кто-то включил музыку, они переместились на диван у стены, ближе к окну. Смех, гул голосов, теплый свет лампы. На столе – сигареты, лужа от пролитого вина, запах терпкий, густой. Они почти не касались друг друга, но все вокруг будто растворилось – остался только ритм, дыхание, ощущение, что можно быть собой и не бояться.

– Смотри, – он закатал рукав и показал татуировку на запястье. – Стрелы всегда летят вперед. Напоминают, что назад дороги нет.

Она улыбнулась.

– А если захочется?

– Тогда все равно стреляешь вперед и оказываешься дальше, чем был, – подмигнул он.

Она рассмеялась. Смех вышел неожиданно легким, и от этого самой стало странно. Когда в последний раз ей было так легко?

Тимур показал волка на ноге.

– Свобода, – сказал он. – Долго решался. Зато теперь помню: ничего важнее ее нет.

Ева слушала, ловила каждое слово. Между ними не было привычной ей борьбы, только свет лампы, их смех, запах кофе и ощущение, что время остановилось.

Под утро они все еще не спали. Он достал одеяло, набросил на ее плечи, и они сидели на полу у раскрытого окна. Он рассказывал о том, как поехал автостопом в Грузию, как спал в палатке и встретил рассвет в горах. Она слушала и думала: вот оно. Жизнь может быть другой: легкой, прозрачной, без этого вязкого страха внутри.

Она ловила каждую его историю и вдруг понимала: ее жизнь до этого сжималась до стен квартиры, до взглядов Максима, до вечной осторожности в словах. А здесь все было иначе, в этой квартире она замечала простые вещи – как пахнет кофе, как из окна тянет ночным воздухом, как мягко светится лампа на тумбочке. Раньше это все пролетало мимо, потому что в голове всегда жила тревога. Рядом с ним тревога отступала и оставалось ощущение, что мир огромен и живой, что он зовет ее, как когда-то в детстве, когда она могла уйти гулять во двор и не думать о том, что будет завтра.

С Максимом все было иначе. Он тоже умел нравиться людям, быстро находил общий язык, шутил, производил впечатление уверенного и сильного. Но рядом с ней это оборачивалось другим. Он словно умел одним движением обесценить все, что она чувствовала. Ева могла прийти домой с новостями, делиться радостью или тревогой – и слышала в ответ: «пустяки», «ты придумала», «не бери в голову». Не громко, не со злостью, а спокойно, с таким видом, будто он всегда знает лучше. И от этого ее голос постепенно становился тише. Она привыкала сомневаться в себе, в том, что имеет право чувствовать. А здесь, в эту ночь, в этой квартире все было по-другому: Тимур слушал так, будто каждое ее слово имело вес, и это возвращало ей ощущение собственной жизни.

А утром он вышел на балкон с двумя кружками кофе. Воздух пах липой и жарой, солнечный свет оставлял мягкий графитовый блеск на его волосах. Ева смотрела на него и впервые за долгие годы почувствовала: все кончено. Она написала Максиму сообщение – сначала коротко и твердо: «Я ухожу». Потом еще добавила о своих чувствах, о том, что она несчастлива, о том, что пора все заканчивать.

Телефон пискнул. Сообщение: «Вернись и не глупи. Все это ерунда».

Одно слово «ерунда» перечеркнуло ее ночь, ее решение, ее смех. Как будто все это – не настоящее, а выдумка. И она вернулась.

Потом все стало прежним: его холодное молчание, измены, ее бессилие. Он не кричал, не бил. Он делал хуже – лишал ее права доверять себе. Каждое ее чувство, каждое решение рядом с ним обесценивалось. «Ты выдумала. Ты все поняла неправильно». И она начинала сомневаться: в себе, в своей памяти, в собственных желаниях.

Ева провела рукой по лицу. Вот поэтому история до сих пор не закрыта. Даже уйдя, она несла в себе этот его голос, этот вечный приговор: «все это ерунда». И пока он звучал в ней – она жила не своей жизнью.

Агата подняла голову, прищурилась и вдруг легко царапнула Еву лапой по запястью. Не больно, но ощутимо, словно предупреждение: хватит тонуть в чужих словах. Ева вздрогнула, вернулась в комнату, к свету фонаря за окном, к теплу шерсти в ногах.

Кошка прыгнула на подоконник, уселась прямо напротив и уставилась на хозяйку пристальным янтарным взглядом. В нем не было жалости, только требовательное: «смотри сюда, сейчас». Ева усмехнулась сквозь слезы.

– Ладно, Агата, поняла, – прошептала она.

Она посмотрела на часы. Еще немного – и нужно ехать к Миле. Она встала, прошла в прихожую, взяла сумку. В отражении зеркала – усталое лицо, но взгляд уже другой. Более прямой, твердый.

На пороге она обернулась: кошка зевнула, улеглась клубком. Удивительное существо – будто контролирует, чтобы Ева снова не ушла туда, где царит Максим.

Теперь нет. Теперь это должно закончиться ее решением.

Глава 8

Утро началось с тишины. Дом стоял в полусвете – серое небо, запах кофе с кухни, мягкие шаги Ады внизу и шум столовых приборов. Ева проснулась рано, Мила все еще крепко спала после вчерашних нескольких бокалов вина на ночь.

На прикроватной тумбочке Евы лежала «Ребекка». Между страницами – сложенный лист бумаги. Она достала его, взглянула еще раз. Неровные буквы, написанные красным маркером: «Я тебя знаю. Ты ответишь за все».

Вчера она сунула записку в книгу, будто между страницами слова станут менее реальными. Но теперь, при холодном утреннем свете, они выглядели еще страшнее – как будто кто-то произносил их шепотом прямо из-за спины.

Ева положила лист обратно, закрыла книгу, как будто запирала что-то опасное. Мила по-прежнему тихо посапывала. «Если бы ты знала», – пронеслось в голове у Евы.

Ада все так же возилась на кухне – эти звуки домашних хлопот немного заземляли и успокаивали.

План на утро был простым: пройтись по соседям. Ева полагалась не только на официальную версию, потому что люди – лучшие свидетели, особенно когда думают, что их не слушают по-настоящему. Обычная логика – начать с малого. Но чем дольше она думала, тем больше чувствовала: эта записка не вписывается ни в «малое», ни в случайность.

Она пошла на кухню. Ада стояла у плиты, наливая кофе, и обернулась с улыбкой:

– Доброе утро. Мила пока спит? Вам приготовить что-нибудь?

– Да, спит как сурок, – ответила Ева с улыбкой. – Нет, спасибо, может, я просто перехвачу бутерброд, и мне нужно будет ненадолго выйти.

Ада кивнула, предложив сделать сэндвич, но взгляд ее на секунду задержался – слишком внимательный, настороженный. Словно она что-то поняла, но решила промолчать.

Ева вернулась в комнату, взяла книгу и сунула ее в сумку. Книга казалась тяжелее обычного, как будто от бумаги внутри веяло чем-то живым. Она достала из кармана визитку Соколова.

Сначала просто посмотрела на нее. Потом провела пальцем по цифрам.

Позвонить? Нет, сначала соседи, решила она. Но, дойдя до двери, вдруг почувствовала, что не хочет идти ни к каким соседям. Слишком мелко пока, слишком в сторону. Записка требовала другого ответа.

Она быстро накинула ветровку и, прикрывая входную дверь, достала телефон, еще секунду колебалась и все же набрала номер.

Гудки были короткими.

– Капитан Соколов, – ответил знакомый голос, чуть усталый, спокойный.

– Это Ева Колесникова. Мы виделись вчера у Милы, – сказала она.

– Помню, – отозвался он. – Что-то случилось?

– Я бы хотела встретиться с вами... поговорить.

Он помолчал.

– Где вы сейчас?

– У Милы.

– Хорошо. Я в отделе, но у меня совещание через двадцать минут. Можем встретиться позже где-то в городе. Я знаю одно место, там удобно будет пообщаться. Адрес скину сообщением.

Она на секунду задумалась.

– Хорошо. Когда?

– Через час-полтора.

Когда звонок оборвался, Ева почувствовала легкий холод в груди: не страх, скорее предчувствие. Она посмотрела на сумку – книга лежала внутри, тихо, как тайна.

Ева вернулась внутрь. В доме снова слышался скрип половиц.

Ада заглянула в коридор:

– Все в порядке?

– Да, – кивнула Ева. – Возьму сэндвич с собой и поеду.

Ада посмотрела внимательно, потом кивнула.

– Соберу вам завтрак с собой, – сказала она и вернулась в кухню.

Собравшись, Ева взяла сумку и вышла на улицу.

Утро было серым, но в воздухе чувствовался какой-то странный ток, будто день еще не решил, в какую сторону повернуть.

* * *

В кафе «Фиора» столики располагались так, что, усевшись подальше, у окна, можно было не переживать, что разговор кто-то услышит. Поэтому капитан и пригласил сюда Колесникову – сам он уже много раз здесь бывал.

Соколова Ева заметила сразу. Он сидел у окна в черной футболке и джинсах, с лицом, будто высеченным из камня. Резкий профиль, внимательные глаза, движения спокойные, даже экономные.

Он тоже сразу увидел ее: поднял взгляд, задержал на ней на секунду дольше, чем требуется для простого узнавания. Она шла к столику и ловила этот взгляд – не оценивающий, не подозрительный, а внимательный, почти изучающий. Как будто он мысленно сверял ее с чем-то, что уже знал: темные волосы, собранные в низкий хвост, короткие пряди выбиваются у висков. Узкие джинсы, куртка – ничего примечательного. Худошавая, даже немного угловатая. Но глаза – слишком заметные: зеленые, открытые, их невозможно не заметить. Именно они, похоже, и приковали его внимание.

Когда она подошла, он уже отвел глаза и поднялся чуть-чуть от спинки дивана.

– Ева, здравствуйте, – кивнул он.

– Здравствуйте.

Он жестом показал на место напротив:

– Кофе?

– Да, спасибо.

Она села и почувствовала, как пространство между ними сразу стало рабочим: так ведут себя люди, которые понимают, зачем пришли.

Пока официант принимал заказ, Соколов молчал. И в этом молчании Ева ясно ощутила: он смотрит. Не на куртку, не на жесты – глубже. Как смотрят на человека, которого нельзя отнести ни к свидетелям, ни к посторонним.

Когда они остались одни, он наконец заговорил.

– Я хотел бы задать вам важный вопрос, – сказал он сразу и добавил: – Я обязан его задать.

Ева кивнула. Она ждала этого.

– Где вы находились в день смерти Максима Рассказова?

Вопрос прозвучал спокойно, без нажима, но строго.

– В Москве, – ответила она без паузы. – Работала.

Он чуть приподнял бровь.

– Подробнее.

– Работала в качестве переводчика на корпоративной встрече в банке. С четырех часов дня и почти до девяти. После был неформальный ужин допоздна. Есть договор, переписка, свидетели.

Она говорила ровно, без защиты. Соколов кивнул, словно отмечая галочку.

Он сделал глоток кофе и только после этого посмотрел на нее прямо.

– Я обязан был спросить, – добавил он уже чуть мягче. – Вы были когда-то близки с погибшим.

Ева кивнула:

– Я понимаю.

Соколов вытащил из кейса папку и положил рядом с собой. Он согласился встретиться не просто так. Он не любил оставлять дела с привкусом недосказанности, а история с Максимом именно такой и была: гладкой на бумаге и шершавой на ощупь. После вчерашнего разговора с Евой у него осталось странное ощущение: будто она может видеть глубже. Не болтает зря, не играет. С такими людьми можно иметь дело.

И еще было чувство, что именно через нее можно дотянуться до того, что пока ускользает.

Поэтому, когда она позвонила, он ухватился за шанс: разобраться, понять, что здесь действительно произошло.

Кафе шумело, но за их столиком было тихо. Соколов держал в руках чашку, хотел сначала присмотреться к Еве. Она же сидела ровно: блокнот, ручка – порядок и внимание.

Она попросила рассказать то, что знает он. Он пересказал вкратце: где нашли тело, кто был в доме, как Мила и Ада описали звук. Ева слушала, не перебивала, затем задала вопросы, в попытке разложить факты по полочкам:

– Выстрел слышали на кухне; тело в спальне. Если они обе слышали выстрел в один момент, то у убийцы было буквально несколько секунд – как он мог исчезнуть незаметно? Проверялись ли другие комнаты на наличие следов, чужих отпечатков? Вообще как быстро Ада и Мила могли добежать до спальни? – это важно для временной линии. Были ли хоть какие-то признаки борьбы? И если стреляли из пистолета Максима, значит убийца мог знать, где он лежит. Кто вообще знал, что у него есть оружие?

Это были не просто вопросы, а тайминг и логика: временная линия, способы покинуть спальню, осведомленность о наличии оружия... Он понял, что она держится причин и следствий, не руководствуется эмоциями.

Он не мог не воспользоваться таким шансом. Ева могла бы стать его инструментом, помочь разобраться в этом деле. Неофициально, конечно, ведь официально оно было закрыто, сверху поступила команда «не ковырять», бумаги ушли в стопку «архив». Но внутри свербело, он понимал и чувствовал, что все здесь не так просто, хотел разобраться, справедливо поставить точку.

И это вернуло его туда, куда он сам редко позволял себе возвращаться.

Парня звали Миша. Шестнадцать лет, длинные руки, неуклюжая походка, как у всех, кто резко растет. Его нашли у реки за поселком, там, где давно обещали построить велодорожку, а построили только щит с картинкой: голубое небо, улыбающаяся семья в шлемах. Лицо Миши было разбито, на виске – ссадины и гематома, на куртке грязь. В протоколе осмотра места укажут: «несчастный случай».

Мишу нашли двое работников обслуживающей компании: Саша и Паша, бригада шестой линии. Они вызвали полицию, постояли, покурили, уехали. В отчете потом превратились в фамилии и должности.

Тогда Соколов был еще майором, но звание «капитан» как-то прилипло к нему в поселке – за глаза. У него был опыт, небольшой, но неприятный: он умел приносить в кабинет начальника тонкие папки, от которых у того болела голова.

В папке про Мишу болела не только голова: там болели суставы системы.

Сначала все шло ровно: опросили мать, учителя информатики, соседку с собаками (она всегда все видит, кто ходит и куда), заглянули в кофейню, где подростки иногда брали сладкие

круассаны. Картина получалась обидно понятной – конфликт на берегу, толчок, падение, удар головой о бетонный край.

Только не складывалось «почему». И еще – «кто был рядом».

Соколов поехал к реке сам, хотя это было уже вечером и не его смена. Дождей в те дни не было, и на топком берегу, в двух шагах от щита с велодорожкой, он нашел отпечаток протектора, который не совпадал с бригадой «шестой линии», они ездили на «газели». А тут был след легковушки, причем свежий, с характерной «лесенкой» на наружной дорожке. Как потом выяснилось, такие шины ставили на BMW старшего сына Лавровых – да, тех самых, чей дом за углом от школы, где директор всегда улыбался шире обычного, когда отец Лавров заходил на День знаний.

Камеры на въезде в поселок «как раз не записали» – шел ремонт сервера. Камера у шлагбаума «в тестовом режиме», пишет только по движению, но «по непонятной причине» запись оборвалась. У одного из охранников заболела спина, и он «выпил обезболивающее и лежал». У второго – «семейные обстоятельства»: взял заявление и уволился.

Все это складывалось в знакомую картину, которую на жаргоне называют «гладко постелили». И Соколов не любил, когда ему стелят.

Он нашел одного «неправильного» свидетеля – дворника из соседнего СНТ, старика с единственным золотым зубом. Тот курил под козырьком и сказал: «Сначала тихо было. Потом – хлопок, как будто кто-то ладонью по двери ударил, потом смех. Было всего трое их, один сказал: „Ладно, завязывай с этим уже“, второй ответил: „Да ладно, он же сам полез“». Старик запомнил странную деталь – свисток. Кто-то носил на шее свисток на шнурке и щелкал им, как нервный тикает ручкой.

У сына Лавровых был такой свисток – он любил играть в судью на местном поле, останавливая чужие дворовые матчи. Глупая манера, но такие детали часто лучше всяких великих улик.

Соколов собрал все это в папку, тонкую. В тонких папках всегда самое неприятное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.